

Ксения Роббе

Светлана Бойм. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с. ISBN 978-5-4448-1130-6.

Ксения Роббе, департамент европейской литературы и культуры, Университет Гронингена (Нидерланды). Адрес для переписки: Faculty of Arts, Department of European Literature and Culture, Oude Kijk in 't Jatstraat 26, 9712 EK Groningen, Netherlands. k.robbe@rug.nl.

«Будущее ностальгии» Светланы Бойм¹ – одна из самых известных работ в области исследований памяти, оказавшая со времени ее публикации в 2001 году огромное влияние на изучение форм и практик переживания и выражения тоски, желания вернуть прошлое (или вернуться в него) и ощущения неадекватности настоящего. Написанная на английском языке и получившая признание во всем мире, книга «вернулась» к российскому читателю в переводе Александра Стругача только в прошлом году. С чем бы ни была связана такая задержка (во многом отражающая логику глобального неравенства языков), доступность этой книги широкой русскоязычной публике – важное событие, которое в то же время требует осмысления значимости исследований ностальгии сегодня и вопросов, которые они могут вызывать.

«Будущее ностальгии» – далеко не первая монография о ностальгии; она вообрала в себя и переработала исследования о времени и ностальгической оглядке на прошлое в эпоху модерна Райнхарта Козеллека (Koselleck 2004), Андреаса Хейссена (Huysen 1995), Питера Фрицше (Fritzsche 2002), Сьюзан Стюарт (Stuart 1993) и других ученых. Вместе с тем она породила еще большее количество работ об этом противоречивом явлении и стала одной из концептуальных основ целого поля исследований. Оценивая ту работу, которую книга Бойм проделала в плане оформления этого поля, следует отметить два главных аспекта: во-первых, существенное нюансирование понятия ностальгии на основании объяснения двойственности этого явления (ностальгия может как «отключать», так и «включать» добавочную рефлексию) и рассмотрения ностальгии как исторической и социальной эмоции, фундаментальной для времени модерна; во-вторых, транскультурный взгляд на ностальгию, который включает разбор процессов в посткоммунистических обществах Восточной Европы и в то же время представляет в новой перспек-

---

¹ Светлана Бойм (1959–2015) – филолог, писатель, медиахудожник и теоретик искусства. В течение многих лет была профессором славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета. Автор четырех монографий («Death in Quotation Marks: Cultural Myths of the Modern Poet», 1991; «Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia», 1994; «The Future of Nostalgia», 2001; «Another Freedom: The Alternative History of an Idea», 2010) и множества статей по литературе и культуре. Как художник Бойм принимала участие в международных выставках и выступила куратором выставок «Территории террора: воспоминания и мифология ГУЛАГа в современном искусстве» (Бостон, 2006) и «Offmodern: руины будущего» (Московская биеннале, 2013).

тиве вопросы памяти в контексте миграции и диаспоры и разрабатывает понятия, применимые во множестве контекстов, особенно в ситуациях «перехода». В рецензии я остановлюсь на этих двух взаимосвязанных аспектах и через них рассмотрю существующую критику и актуальность подхода, выработанного Бойм.

В целом подход Бойм можно описать как поиск «общей картины», которая может сложиться из своеобразных и независимых частей и раскрыть связи между ними. Попытка сложить такую картину в рамках одной книги усилиями одного автора неизбежно влечет за собой неточности и огрехи (за что Бойм не раз доставалось от критиков). Однако при рассмотрении формы и метода исследования оказывается, что автор не преследует цели определить раз и навсегда, в чем суть ностальгии и создать законченную теорию этого явления. Скорее этот метод можно понять как попытку открыть боковое зрение, через детали нащупать контуры общего, которые дальше могут послужить основанием для диалога. Эта радикальная открытость – характеристика академического письма исследовательницы как такового, и, возможно, именно эта не-замкнутость способствовала тому, что авторы, изучающие самые разные периоды и культуры, смогли легко «подключиться» к пониманию и анализу ностальгии как двигателя для воображения будущего, которое отлично от настоящего или недавнего прошлого.

Первая, теоретическая, часть книги («Ипохондрия сердца: ностальгия, история и память») посвящена рассмотрению ностальгии как феномена мировой культуры (а не, как часто представляется, восточноевропейской посткоммунистической «болезни») и ровесницы модерна. Неслучайно понятие «ностальгия» возникло в конце XVII века вслед за исследованием врача Иоганна Хофера, посвященном явлению тоски, которая поражала швейцарских солдат и студентов, служивших или учившихся вдали от родины. Важным выводом изучения этих случаев стало то, что само по себе возвращение на родину не всегда вело к излечению. Таким образом, ностальгия – не столько желание вернуться домой, сколько тоска по другим временам (с. 18) или, в более широком смысле — по другому времени, отличному от времени линейного прогресса и акселерации. Используя терминологию Козеллека (Koselleck 2004), Бойм связывает «эпидемию» ностальгии последних десятилетий с сокращением «пространства опыта» вследствие глобализации и дигитализации; чем меньше «горизонт ожиданий» связан с опытом, тем больше желание установить – вообразить – подобную связь (с. 44). В периоды, следующие за революциями и большими потрясениями, такое желание, как правило, усиливается и поддерживает, с одной стороны, техники выживания, а с другой – проекты «возрождения» незаслуженно забытого прошлого.

Из этих двойственных реакций на разрушение привычного мира (а на необходимости периодического разрушения политического порядка и возведении нового и строится проект модерна) вытекает двуликость ностальгии. Бойм описывает эти две вариации ностальгии как «реставрирующую» и «рефлексирующую». «Реставрирующая» основана на идеях возвращения к истокам и в крайних проявлениях включает в себя теорию заговора. Желающие восстановить разрушенное прошлое воспринимают идею общего «дома» и возвращения в него буквально и всерьез, что неизменно приводит к необходимости защищать святыни дома от

врагов. Подобную идеологию, как известно, исповедуют правые организации различного толка, но в более мягких вариантах реставрирующая ностальгия встречается во множестве хорошо знакомых политических и культурных проектов от фильмов Никиты Михалкова и Константина Эрнста до празднований Дня Победы. Такое описание в целом соответствует общеизвестному представлению о том, что такое ностальгия.

В то же время, как демонстрируют множественные примеры из литературы, искусства, культурных проектов и повседневности, анализируемые Бойм, существуют модальности ностальгии, которые выражают тоску не «по идеальному прошлому, а по настоящему совершенному времени и его упущенному потенциалу» (с. 64) или по тому, как будущее воображалось в прошлом и как оно, актуализируясь в воспоминаниях, влияет на образы будущего сегодня. «Рефлексирующая» ностальгия медитирует об идеальном доме, осознавая при этом, что такое «общее место» – плод воображения (несмотря на воображаемость топоса ностальгии, тоска по нему реальна, так же, как и те поступки и проекты, которые осуществляются под ее воздействием).

Генеалогия этого вида ностальгии ведет исследовательницу к литературе и философии модернизма, от Шарля Бодлера и Фридриха Ницше до Вальтера Беньямина и Виктора Шкловского; от них протягивается нить к писателям-изгнанникам середины и второй половины XX века, Владимиру Набокову и Иосифу Бродскому, которым посвящена третья часть книги – «Изгнанники и воображаемые родины». Объединяет этих писателей их принадлежность модернизму в сочетании с критикой линейного времени модерна. На основании анализа их текстов Бойм предлагает понятие *офф-модернизма* – особой традиции искусства и мироощущения, которая не отказывается полностью от идей модерна, но воплощает собой критику, в первую очередь – идеи прогресса. Ностальгия как характеристика этой традиции письма, с одной стороны, «базируется на модернистской концепции, утверждающей неповторимость и необратимость времени» (с. 50), но с другой стороны, создает «гибриды прошлого и настоящего», и таким образом противостоит телеологии модерна (с. 83).

Развитие понимания ностальгии как тенденции *внутри* модерна, которая стала особенно явно актуализироваться в позднемодернистской культуре, – одно из бесспорных достижений книги, которая с присущей Бойм элегантною стили разворачивает аргумент в различных контекстах: от анализа литературы до «чтения» городских пространств и размышлений над воспоминаниями о «доме» – своих собственных и других эмигрантов. Подводя итог и открывая перспективу в «будущее ностальгии», автор рассуждает о спаянности желания остановить бег времени с технологизацией – ведь в основе обоих лежит медиация (с. 655). Как и в развитии коммуникационных технологий, ведущую роль в чувстве ностальгии играет поиск адресата (с. 40); но в последнем случае мотивация, цели и практики общения будут сильно отличаться от общения с целью сэкономить время.

Наряду с наблюдениями о роли ностальгии в двойственном характере модернизма и модерна Бойм смогла предложить методологию исследования этой исторической эмоции, которая применима далеко за пределами областей знания, о

которых идет речь в книге. Свидетельство транскультурной актуальности предложенных понятий – множество работ по изучению ностальгии, использующих термины «реставрирующая» и «рефлексирующая» в отношении процессов в самых разных (со)обществах. Среди многочисленных примеров – исследования практик памяти/забвения в турецкой части Кипра (Bryant 2014), среди фермеров в аргентинских Андах (Angé 2018), у жителей тауншипов ЮАР (Dlamini 2009) или в Великобритании времен Брежнев (Campanella and Dassú 2019). Как отмечает сама исследовательница, «грамматика романтизирующих видов ностальгии по всему миру очень похожа», но стремление к уникальности не дает установить диалог: «ностальгики», как правило, не признают, что их тоска похожа на тоску других, тем более людей других культур (с. 50). Создание аналитической рамки, в которой возможно сопоставление разных практик ностальгии, в сочетании с применением этого метода на материалах определенных культурных локальностей конца XX века делает эту книгу важным ориентиром для сравнительных и трансрегиональных исследований.

Даже близкое рассмотрение «посткоммунистической ностальгии», часто упрощенно понимаемой как региональный феномен, подчеркивает ее множественность, динамику и глобальную актуальность. В наибольшей степени этим вопросам посвящена вторая часть «Города и пере-выдуманные традиции», в которой автор совершает мысленное путешествие по городам Восточной Европы, ставшим ареной посткоммунистических трансформаций, – Москве, Санкт-Петербургу, Берлину, Праге и Любляне (последние два рассмотрены скорее мельком). Несмотря на многочисленные генерализации и неточности в описании в этой главе с ее внушительным охватом, тенденции, иногда лишь намеченные, создают почву для дальнейших исследований многовекторных связей политики и ностальгии.

Одним из интересных наблюдений здесь является тезис о роли рефлексирующей ностальгии в контр-памяти интеллигенции 1960–1980-х годов, которая была способом наладить связь с временами и способами отношения с прошлым, оказавшимися под цензурой. Более того, по мнению исследовательницы, бум ностальгической памяти в годы перестройки сыграл прямую политическую роль в событиях 1991 года, но к концу 1990-х «деидеологизированное обращение с историей стало привычным» и привело к принятию национального прошлого, то есть рефлексирующая ностальгия переродилась в реставрирующую (с. 151). Подобный процесс прослеживается и в странах Восточного блока, где до 1990-х годов ностальгия по Европе была формой сопротивления советской версии официального интернационализма и национализма (с. 429) и, согласно анализу Бойм, обладала чертами (само)рефлексии и дистанцирования от мифов; после падения режима она перекодировалась в традиционалистскую «пасторальную мечту» о «настоящей» Европе, распространившуюся сегодня и на запад континента. Таким образом, логика процессов, происходивших два десятилетия назад в Восточной Европе, может быть актуальной в анализе «ретротопий» (Bauman 2017) далеко за пределами региона.

Вместе с тем интерпретация функций ностальгии, в этой главе и книге в целом, оставляет некоторые вопросы. Автор убедительно показывает, как носталь-

гия может становиться политическим инструментом (именно благодаря своей кажущейся аполитичности), но в то же время – в отношении всех рассмотренных проектов в городских пространствах – указывает на деполитизированный характер рефлексирующей ностальгии (с. 194, 241, 471). Значит ли это, что подобные модальности ностальгии если и могут играть политическую роль (как это было, возможно, в 1989–1991 годах), то лишь кратковременно, непоследовательно и без шанса на созидание? Как таковой вопрос о политическом в книге не задается, а рассмотрение эффектов ностальгии в третьей части переводится в область этического. Такая рамка в свою очередь вызывает вопрос о продолжении автором той традиции интеллигентской критики, которую она анализирует.

Другим аспектом критики исследования стала двоичная модель анализа ностальгии у Бойм. Хотя исследовательница повторно отмечает, что она рассматривает феномен ностальгии как динамический и неоднородный, формулирование двух «типов» ностальгии и последовательное оформление анализа практик в городских пространствах как представляющих тот или другой тип вызывают эффект бинарного представления о ностальгии. Именно в таком ключе многие исследования ссылаются на концепцию Бойм, не вдаваясь в тонкости ее анализа. Критику воспроизводства «двух ностальгий» очень точно сформулировали в своей статье Майя Надкарни и Ольга Шевченко (Nadkarni and Shevchenko 2004), предложив более учитывающий контекст и гибкий сравнительный анализ практик ностальгии в России и Венгрии. Последующие теоретические и контекстуальные исследования также уделяют особое внимание аспектам процессуальности, перформативности и изменчивости ностальгии (Boele, Noordenbos, and Robbe 2019; Pickering and Keightly 2006; Todorova 2010).

В наибольшей степени Бойм удается показать текучесть и подвижность ностальгии в третьей части, рассматривающей литературные тексты (Набоков, Бродский) и произведения визуального искусства (Илья Кабаков). Понятие диаспорической близости, разрабатываемое здесь и понимаемое как эффект ностальгии, как нельзя лучше передает этико-эстетическую особенность произведений этих российско-американских, или скорее транснациональных, авторов. Диаспорическая близость возникает как результат воплощения транскультурного сознания и как общность на основании не-принадлежности (с. 487) к одной или нескольким отдельным культурам. Она включает в себя открытость миру, антиутопическое сознание и культурную близость, противоположную глобальной культуре, как отмечает автор (с. 490) – все, что складывается в представление о космополитизме (однако этого термина Бойм избегает). Эта перспектива выявляется через фигуру двойного агента у Набокова, тропа фрагмента/руины у Бродского и образа мухи (как метафоры антиапокалиптического выживания) у Кабакова. В одной из глав литературно-критическая перспектива дополняется антропологическим взглядом на иммигрантские сувениры, которые, как тексты и инсталляции, рассказывают истории о (культурном) выживании в изгнании. Ностальгия в этих интерпретациях дает возможность диалога с другим не как просто с «представителем иной культуры» (с. 640); такой транскультурный взгляд на диаспору был важной тенденцией того времени, когда была написана книга. Новизна подхода (в чем-то и

для современных исследований литературы и искусства) заключается в сведении в одном поле текстов ведущих писателей XX века и повседневных практик «обыкновенных» эмигрантов.

Больше сложностей возникает при рассмотрении этики ностальгии, которой посвящена последняя глава этой части. В то время как политика в современный период, по логике интерпретации, связывается лишь с реставрирующими формами ностальгии, за рефлексирующими закрепляются этические аспекты. Более того, этическое интерпретируется как существующее в эстетически сложных стилях и структурах; так, отвращение Набокова к банальности и сентиментальности прочитывается как освобождающее его (или чьи-либо) тексты от проблематичных тенденций, которые сопутствуют реставрирующей ностальгии (с. 643–647). Маленький сдвиг остранения, лежащий в основе иронии и двоемыслия, действительно прекрасно описывает ностальгию как двойственный феномен, как одновременно яд и лекарство. Но является ли «извилистый синтаксис» (с. 649) гарантией *этической* рефлексивности? Может ли «простой стиль» играть такую роль? И могут ли разные стили сдвигать рамки восприятия различными способами? Подобный вопрос можно было бы задать в отношении «привилегированного» статуса города в выявлении рефлексирующей ностальгии, который предстает как «идеальный перекресток между продолжением и отстранением, памятью и свободой, ностальгией и современностью» (с. 167). Значит ли это, что в негородских (или не-космополитичных) пространствах обитает только реставрирующая ностальгия?

Эти возможные вопросы вовсе не уменьшают значимости книги, а скорее открывают пространство для будущих критических исследований ностальгии. Помимо академического интереса к этому предмету, перевод книги – сделанный, что немаловажно, превосходно с точки зрения языка, с уточнением и комментариями ко многим деталям (в сносках) – можно надеяться, откроет более тонкий взгляд на ностальгию для широкой аудитории читателей. Во времена, когда «у нас может быть куда больше частного пространства (если нам повезет), но все меньше и меньше времени, а следовательно и меньше терпения к культурным различиям в понимании времени» (с. 665), прочтение ностальгии как возможности остановиться и переосмыслить то, как мы смотрим на мир, на «других» и себя самих, может быть весьма актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Angé, Olivia. 2018. *Barter and Social Regeneration in the Argentinian Andes*. New York: Berghahn.
- Bauman, Zygmunt. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press.
- Boele, Otto, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe. 2019. "Introduction. The Many Practices of Post-Soviet Nostalgia: Affect, Appropriation, Contestation." Pp. 1–17 in *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*, ed. by Otto Boele, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe. New York: Routledge.
- Bryant, Rebecca. 2014. "Nostalgia and the Discovery of Loss: Essentializing the Turkish Cypriot Past." Pp. 155–177 in *Anthropology and Nostalgia*, ed. by Olivia Angé and David Berliner. New York: Berghahn.
- Campanella, Edoardo, and Marta Dassú. 2019. *AngloNostalgia: The Politics of Emotion in a Fractured West*. Oxford: Oxford University Press.
- Dlamini, Jacob. 2009. *Native Nostalgia*. Auckland Park, South Africa: Jacana Media.

- Fritzsche, Peter. 2002. "How Nostalgia Narrates Modernity." Pp. 62–85 in *The Work of Memory: New Directions in the Study of German Society and Culture*, ed. by Alon Confino and Peter Fritzsche. Urbana: University of Illinois Press.
- Huyssen, Andreas. 1995. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York: Routledge.
- Koselleck, Reinhart. 2004. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.
- Nadkarni, Maja, and Olga Shevchenko. 2004. "The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices." *Ab Imperio* 2:487–519.
- Pickering, Michael, and Emily Keightley. 2006. "The Modalities of Nostalgia." *Current Sociology* 54(6):919–941.
- Stuart, Susan. 1993. *On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. Durham, NC: Duke University Press.
- Todorova, Maria. 2010. "Introduction: From Utopia to Propaganda and Back." Pp. 1–13 in *Post-Communist Nostalgia*, ed. by Maria Todorova and Zsuzsa Gille. New York: Berghahn Books.